

Когда зал наполнен...

В. СУХАРЕВИЧ

Привет театральных зрителей иной раз бывает очень кратким: — Ненитерсно...

И спектакль обречен. Пусть даже звучат со сцены самые значительные и мудрые слова — они беспомощны, если зал пуст. Театр никто не посещает в принудительном порядке, он должен увлекать, потрещать, очаровать — вот о чем забывают многие театральные деятели...

К счастью, не все. То, что Ленинградский театр имени Ленсовета во время гастролей в Москве, да еще жарким летом, в самый разгар «мертвого» сезона почти ежедневно собирал на свои спектакли переполненный зал — одно из первых доказательств живой силы его искусства. И недаром здесь зрители каждый раз, когда падал занавес, кричали:

— Акимов! А-ки-мов!

Главному режиссеру театра каждый раз — как в день премьеры — приходилось раскланиваться со сцены вместе с актерами, по праву деля с ними большой успех.

Творческий путь Н. П. Акимова не был ровной, проторенной дорогой. Этот неутомимый искатель яркого и праздничного на сцене, возглавляя некогда Ленинградский театр комедии, отдал дань чистой театральности. В его спектаклях художник часто побеждает режиссера, и тогда среди буйства цвета, пестрого убранства сцены, острых сатирических гипербол и ярких комедийных трюков гасла непосредственность чувства, тускнели образы, ощущалась недостаточная глубина режиссерского замысла.

И может быть, оттого, что актеры драматического театра, в который теперь пришел Акимов, имели опыт воплощения сложных образов, да и сам режиссер многое постиг и многому научился,

последние акимовские спектакли, но утрачивая живописной яркости, обрели глубину. Каждый новый спектакль вызвал споры среди зрителей и в театральных кругах.

Горячий отклик прессы возбудил, например, спектакль «Европейская хроника» А. Арбузова — повествование о политических событиях в Европе, начиная от войны в Испании в 1936 году до «холодной войны» недавнего прошлого.

Режиссер рассказывает все это своим, образным языком. Например, сомнения некоторых критиков вызвала монолог, провозглашавшая в начале спектакля по тихой улице Копенгагена. «Что это, формализм!» — спрашивали рецензенты. А фигура женщины в древнем облачении на вполне современном велосипеде воспринимается как своеобразная заставка к спектаклю — прошлого и настоящего причудливо переплелось в старой Европе. Каждая режиссерская находка Акимова в этом спектакле направлена к тому, чтобы тот или иной образ обрел предельную остроту и выразительность. И если «Европейская хроника» прошла в Ленинграде уже 150 раз — значит, зрители приняли и полюбили в спектакле все то, что для них сделано.

Своих зрителей театр имени Ленсовета покоряет и упорными поисками репертуара, своего направления в искусстве. Именно здесь начала новую сценическую жизнь драматическая сатира М. Е. Салтыков-Щедрина «Тени» — незаслуженно забытая пьеса замечательного русского писателя. И в этом спектакле ярко проявились ковое а режиссерское творчество Акимова. Не прибегая к гротеску и шаржу — на что дает некоторое право сам жанр пьесы, Акимов ищет и показывает страшное и уродливое

в обычном течении жизни чиновничества Петербурга. Клаверов (П. Панков), Набойкин (Ю. Бубликов), Сивитиков (А. Абрамов) — это не кулуарные рыла, не абстрактные олицетворения пороков, а живые люди прошлого века, у которых их борьба за корыстные интересы умертвила все человеческое. И столкновение с этим миром Бобырева (В. Петров), вдовака частного, но способного, его жены (Г. Короткевич),

жизни. Страшные это были времена! Жестокость, продажность, предательство, самодурство, царившие в чиновничьем мире, обрели в спектакле подчеркнуто яркие и вполне реальные черты. И снова режиссерские находки Акимова служат наиболее полно раскрытию образов. Когда, беседуя с Муромским, Варравин (его с большим мастерством играет П. Панков), опираясь руками на стол, передвигает их, как

«Хорошая песня» П. Когоута. Сцена из первой картины.

ещицы искренней, но легкомысленной, приближает одного и мольному падежию, вторую — и рной душевной и нравственной пустотности. Главная заслуга автора здесь состоит в том, что зрительно показана правдивая картина нравов, представляющая с проясненным в психологию действующих лиц история характера, словесных чиновничьим Петербургом.

Совсем недавно театр поставил опять-таки редко идущую драму А. Сухово-Кобылина «Дело». И примечательно, что если драматической сатиры «Тени» театр вывел на первый план драму, то в драме «Дело» с особенной остротой подчеркнул ее сатирическое звучание. Уже в прологе, когда на лестнице, выходящей ступени иерархии, стоят в полной неподвижности «начальства», «силы», «подчиненности», а затем «ничтожества», их честные лица, которых нам представляет чтец, — мы наглядно чувствуем весь строй тогдашней

зверь лапы, приближаясь к жертве, — это очень страшно. И так представлены все «силы» и «подчиненности» чиновничьего мира: и «важное лицо» (В. Таскин), и Тарелкин (Ю. Бубликов), и многие другие участники «с кровью вырванного дела», о котором рассказывал нам Сухово-Кобылин, сам много от судебного провозгла претерпевший. Автора представляет в театре не только чтец, но и та женщина, злая ненависть, которой пронизан спектакль, — ненависть к мадоннам и разбойникам в мундирах, вершившим судьбы людей в царской империи.

Обнаружив не только значение законов сатиры, но и вное пристрастие к ней, театр другой своей постановкой — пьесой С. Михалкова «Охотники» показал, что и наши дни можно и должно разить тени прошлого, омрачающие нашу жизнь. В центре новой комедии Михалкова история о том, как бесприщипый и жалкий человек Невидимский — руководитель не-

«Дело» А. В. Сухово-Кобылина в Ленинградском государственном театре имени Ленсовета. Пролог.

коего научно-исследовательского института — присвоил себе чужой научный труд и был разоблачен. Стремительность действия, острый юмор делают спектакль увлекательным. И хотя солбаны водоевильной легкости встречаются здесь на каждом шагу, успех этого веселого спектакля достигается настойчивым стремлением раскрыть характеры действующих лиц. Увлеченность охотой Невидимского (П. Панков) — его единственная подлинная страсть, и актер выразил это превосходно. Охота за чужим добром ведется Невидимским с таким же азартом. «Охотника» высказывает, — ищет, плетлет, врет... В полном соответствии с правдой жизни этому бесчестному человеку противопоставлены хорошие люди: научный сотрудник Зубарин (А. Гольбич), инженер Кокорев (Ю. Бубликов), Ирина Невидимская (В. Шестакова), — удавшиеся театру не менее, чем злые сатирические маски халтурщика Халуновина (Д. Бессонов), или вдовы аккадминистрации Цыгановой (В. Бударейко), или авантюриста-игрока Шапкина (А. Абрамов). Зритель видит на сцене не попонутином уродов, а живых лиц, реальную борьбу людей чести со всеми жуликами, проходимцами.

Театр охотно ставит и популяризирует комедию. Он привез в

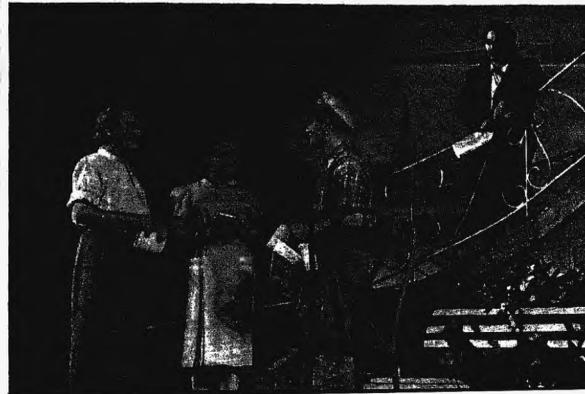
Москву «До новых встреч» А. Гладкова, «Хорошую песню» П. Когоута, классическую комедию П. Кальдерона «Спрятанный кабльер». Правда, не во всех спектаклях точно и ясно определена та высокая цель, во имя которой свистит быч сатиры, заигает веселый смех. Есть кое-где гиперболы неоправданные, шутки во имя шуток, комедийные трюки без прицела. Особенно много их в «Спрятанный кабльер» (режиссер — П. Вейсбрам).

Это тем более обидно, что хороший вкус отличает лучшие спектакли театра и особенно «Хорошая песня», «Хорошая песня» П. Когоута, драматурга П. Когоута «Хорошая песня», история первых размолок молодых и очень милых супругов Катерины (А. Елехова) и Вашика (В. Кузнецов) могла бы показаться банальной, но в нее тончайшим узором вплетены ирония. Может, осуждения отрицательного в жизни героев спектакля здесь и смягчено, но он зоват к душевной чуткости.

Итак, и в драме, и в комедии, и в лирической поэме вы ясно ощущаете, что хочет сказать театр о жизни нынешней и днях минувших. Причем рассказывает он ярко, живо, с молодым задором и увлеченностью, не забывая о том, что театр есть театр.

Фото А. Гладштейна и С. Фриллинда.

«Европейская хроника» А. Арбузова. Сцена из первого действия.

«До новых встреч» А. Гладкова. Сцена из третьего акта.